

BOROVIKOVA Yana Vladimirovna, Cand.Sci.(Ped.), Associate Professor of the Chair of Management in the Social Sphere, the Institute of International Socio-humanitarian Relations (Antonova-Ovseenko st., 6/1, Moscow, Russia, 123317; yantre@yandex.ru)

THE EXPERIENCE OF NGOs AND ASSOCIATIONS AIMED AT WORK WITH THE AGED IN THE UNITED STATES OF AMERICA

Abstract. A distinctive feature of social work with elderly people in the United States of America in the late 20th – early 21st centuries is the intensive development of the «third sector» that is NGOs and associations working with persons of the third age, or organizing activities aimed at improvement of social work with this category of population. The author proposes classification of public institutions (based on the volunteer activity of public associations in the United States), organizing social work with the citizens of the third age. The article considers productive areas of work with vulnerable groups, one of which is «occupational therapy».

Keywords: elderly, third age, social work, occupational therapy, public organizations and associations

ЧЭНЬ Цзя-вэй – стажер кафедры политического анализа, факультет государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-кт, 27, корп. 4; sh_mila@hotmail.com)

ПАТРОН-КЛИЕНТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМАХ СТРАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация. В статье рассматривается феномен патрон-клиентских отношений в современных партийных системах стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Показывается органическая связь этого типа политической коммуникации с традиционным устройством общества так называемой конфуцианской цивилизации. Автор считает фракционность, в явной или неявной формах присущую всем партийным системам этого ареала, закономерным следствием патрон-клиентских отношений как фактической основы функционирования этих систем. Вместе с тем в статье показана и определенная эволюция патрон-клиентских отношений, особенно в странах, в которых демократия пустила наиболее глубокие корни. Эта динамика представлена на примере Тайваня.

Ключевые слова: патрон-клиентские отношения, конфуцианская цивилизация, партийная система, фракционность, демократия, Тайвань

Важной особенностью политической жизни так называемой конфуцианской цивилизации, распространенной в ареале Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, является большая роль в ней разного рода личных связей и основанных на таких связях неформальных организаций. В современной политологической литературе принято писать об отношениях патрона и клиента, или о клиентелизме. Эти отношения нередко основаны на родстве и являются взаимообязывающими. Вместе с тем применительно к этому ареалу справедливо говорить и об определенной политической системе, которая основана на асимметричных отношениях между группами политических акторов, определяемых как патроны и клиенты и объединенных друг с другом в рамках партийных систем [Törnquist 1999: 15]. По определению американского политолога Л. Рониджера, клиентелизм есть «система обмена, в которой избиратели продают свою политическую поддержку за различные вознаграждения в области публичных решений» [Roniger 2004]. Самая распространенная разновидность клиентелизма – подкуп избирателей, в той или иной степени присущий всем молодым демократиям Дальнего

Востока и Юго-Восточной Азии. Одновременно патрон-клиентские связи способствуют образованию устойчивых групп и коалиций внутри политических партий или государственных органов.

В рассматриваемом цивилизационном ареале клиентелизм является в значительной мере следствием авторитарного и патерналистского характера традиционных политических режимов, что делает невозможным разделение властей, открытое регулирование отношений между различными политическими силами и в то же время утверждает незыблемость иерархии статусов, в идеале основанной на критериях учености и нравственного совершенства, но на практике опирающейся на соображения материальной или непосредственно политической выгоды. Неуважение к закону и формальным институтам, естественно дополнявшееся акцентом на примат нравственного совершенствования, благоприятствовало такому рода метаморфозам. Интересно, что этой подмене понятий мы обязаны самим словом «партия» в языках стран этого региона (в китайском языке – «дан»). Исторически данный термин обозначал объединения внутри правящих верхов, которые были основаны на личностных связях и тем самым наносили ущерб интересам государства и общества. Не удивительно, что в традиционном словоупотреблении он имел явную негативную коннотацию и в западной литературе переводился обычно как «клика» [Малявин 2007: 245]. В современных работах чаще всего употребляются более нейтральные термины – «фракция», «группировка».

Таким образом, азиатский политикум представляет собой сложное переплетение формальных, легальных и неформальных связей, а подчас и весьма устойчивых институтов. Такое положение характерно для всех стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, но конкретный характер неформальных связей и их политическая значимость, конечно, во многом зависят от национальных форм политического уклада. Исследователи подчеркивают почти непреодолимые трудности, на которые наталкивается попытка составить всеобъемлющую теорию патрон-клиентских отношений в этом регионе, что придает особенную важность сравнительным изучением данной проблемы [Tomsa, Ufen 2013: 12]. Можно сказать, что патрон-клиентские отношения здесь являются закономерным естественным следствием феномена «гибкой власти», о котором говорит российская исследовательница Н.Н. Емельянова [Емельянова 2015].

Вместе с тем, на наш взгляд, в пестрой картине неформальной азиатской политики можно выделить два стабильных фактора, как бы два полярных начала: патрон-клиентские отношения и фракционные организации как часть традиционной политической культуры и процесс модернизации, который способствует глубокому изменению этих традиций. В целом модернизация имеет своим следствием систематизацию и отчасти легализацию фракционных связей, а также усиление в них монетарного, рыночного начала.

Столь же очевидно, что доминирование авторитарной или демократической модели модернизации предопределяет и различия в формах и роли фракционных организаций в политической жизни стран рассматриваемого ареала. Например, в Коммунистической партии Китая, где фракции, согласно ленинским установкам, строго запрещены, неформальные связи в традиционном духе имеют подчеркнuto личностный характер и предполагают отношения взаимной преданности между патроном и клиентом. В то же время эти в своем роде очень прочные узы не имеют никакого институционального выражения. Взаимодействие официальной и неформальной политики в КНР представляет один из самых загадочных аспектов политической жизни и, добавим, принципиальной непрозрачности власти в этой стране. Нам достаточно отметить здесь, что тотальное отрицание фракционных связей и фракционной борьбы в континентальном Китае никоим образом не умаляет их политического значения. Более того, тонкое переплетение формальных и неформальных аспектов политической жизни составляет подлинную сердцевину китайской политики.

Фракционные организации и отношения патрона и клиента составляют важную и притом открыто признаваемую сторону политической деятельности также в фор-

мально демократических Японии и Южной Кореи. С одной стороны, демократическая модернизация повсюду в Азии сопровождается превращением фракций в более или менее открытые, даже официально признанные организации, основанные на вполне объективных критериях материальной или политической выгоды (что, как известно, в азиатской политике практически неотделимо). С другой стороны, фракции в партиях, парламентах и даже правительствах остаются четко очерченными организациями, связанными жесткой дисциплиной и безусловной преданностью ее членов лидеру [Dittmer 2000: 293]. Такое положение дел отражает, несомненно, господствующий этос и моральные ценности японского и корейского обществ.

На Тайване эволюция фракционного начала в политике продвинулась, пожалуй, дальше всего в сторону демократизации, что в целом соответствует высокому уровню демократической модернизации политической жизни на острове. Примечательно, что фракционная борьба в Гоминьдане, где фракции были запрещены, впервые выплеснулась в публичное пространство как раз в момент поворота к демократизации и выбора нового лидера партии в середине 1980-х гг. Симптоматично также, что за исключением создания Новой партии (Синьдан) эта борьба не привела к распаду Гоминьдана и осталась именно борьбой фракций, что лишний раз свидетельствует о большой жизнестойкости фракционных организаций в тайваньской политике. При этом сами фракции имеют гораздо более размытый и текучий характер по сравнению с той же Японией или Кореей. В частности, одно и то же лицо может состоять в разных фракциях. Например, в начале 1990-х гг., по официальным данным, среди 100 членов Законодательного юаня, примкнувших к фракции Демократической прогрессивной партии, более четверти состояли также в других фракциях, а почти 40 депутатов числились в трех и более фракциях. Таким образом, принцип личной преданности лидеру фракции практически перестал действовать, а фракционная дисциплина крайне ослабла. Как правило, деятельность политических фракций оживает в период предвыборных кампаний. По существу, фракции на Тайване являются формой мобилизации электората. Понятно, что соображения выгоды, карьеры и престижа играют в деятельности фракций решающую роль, а смена патрона является обычной практикой, если не нормой.

Надо сказать, что целый ряд особенностей политической системы Тайваня серьезно ограничивает роль и значение фракций в политической жизни острова. В настоящее время сами фракции за редким исключением возглавляются группой лиц и, следовательно, не предполагают личной преданности. Как говорят на Тайване, они являются «командами без боссов». Руководители фракций, как правило, не могут обеспечить выполнение их установок членами фракций, тем более что решения в парламентских комитетах принимаются посредством тайного голосования. Можно сказать, что современные парламентские фракции на Тайване представляют собой скорее ассоциации на основе коллегиальности. Организация правительства также не способствует усилению политической роли фракций, поскольку на Тайване назначение министров является прерогативой президента. Реально фракции могут участвовать только в распределении постов руководителей парламентских комитетов. Не следует забывать и роль СМИ, бдительно следящих за деятельностью фракций.

Таким образом, Тайвань являет собой пример крайней степени эволюции фракционности в сторону легализации и одновременно коммерциализации фракций в условиях демократической модернизации. Это не означает, что фракции на Тайване утратили политическое значение. Они остаются важным фактором политики и, несомненно, еще долго будут оставаться таковыми в той мере, в какой традиционная политическая культура будет способна артикулировать формы политической борьбы и консолидировать общество.

Думается, что для российской политической системы, которая также является молодой демократией, азиатский опыт патрон-клиентских отношений в партийной жизни имеет лишь ограниченное значение: при развитости патроната и клиенты, о чем регулярно сообщается в российских СМИ, здесь отсутствует их органическое развитие в виде внутрипартийной фракционности. В этом смысле все современные

российские партии в той или иной мере ориентируются на централизм и внутреннее единство КПСС.

Список литературы

Емельянова Н.Н. 2015. Перспективы «гибкой власти» в Азии (на примере Китая и Индии). — *Власть*. № 6. С. 186-191.

Малявин В.В. 2007. *Империя ученых*. М.: Европа. 378 с.

Dittmer L. 2000. Conclusion. — *Informal Politics in East Asia* (ed. by L. Dittmer, H. Fukui, P.N.S. Lee). Cambridge: Cambridge University Press. P. 290–308.

Roniger L. 2004. Political Clientelism, Democracy, and Market Economy. — *Comparative Politics*. Vol. 36. № 3. P. 353-375.

Tomsa D., Ufen A. 2013. Introduction: Clientelism and Electoral Competition in Southeast Asia. — *Political Parties in Southeast Asia: Clientelism and Electoral Competition in Indonesia, Thailand and the Philippines* (ed. by D. Tomsa, A. Ufen). N.Y.: Routledge. P. 1-19.

Törnquist O. 1999. *Politics and Development: A Critical Introduction*. London: SAGE Publications Ltd. 208 p.

CHEN Chia-wei, trainee of the Chair of Political Analysis, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (27, bld 4, Lomonosovsky Ave, Moscow, Russia, 119191)

PATRON-CLIENT RELATIONS IN PARTY SYSTEMS IN THE FAR EAST AND SOUTHEAST ASIA

Abstract. The author demonstrates the organic connection of patron-client relations as a special type of political communication with traditional social order shaped by the so-called Confucian civilization. According to the author, factionalism explicitly or implicitly permeates all kinds of party systems in this region and is a natural outcome of patron-client relations as a real foundation of these systems. Besides, the author discloses a certain evolution of these relations in the countries with the most solid democracies in this area. Taiwan is a case in point of such development.

Keywords: patron-client relation, Confucian civilization, party system, factionalism, democracy, Taiwan